

УДК 340.1+34(091)

**ПРОБЛЕМА ИМПЕРАТИВНОЙ
ПРИРОДЫ ПРАВОВЫХ НОРМ
В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ ГЕРБЕРТА
ХАРТА И РОНАЛЬДА ДВОРКИНА****THE PROBLEM OF THE
IMPERATIVE NATURE OF LEGAL
NORMS IN THE CONTEXT OF THE
DISCUSSION OF HERBERT HART AND
RONALD DVORKIN****ЧУДИН-КУРГАН Федор Олегович***генеральный директор «Компания Русское
дело», г. Москва, Россия.**E-mail: 7551242@gmail.com***CHUDIN-KURGAN Fedor Olegovich***General Director of "Russian Business Com-
pany", Moscow, Russia.**E-mail: 7551242@gmail.com*

Научная дискуссия между Г. Хартом и Р. Дворкиным является прямым диалогом двух наиболее влиятельных течений западной правовой науки в лице их ведущих представителей. Результатом дискуссии об императивной природе правовых норм стала актуализация проблемы всеобщего начала права и морали. Оригинальный подход к решению этой проблемы мы находим также в отечественной философско-правовой мысли.

The scientific discussion between H. Hart and R. Dvorkin is a direct dialogue between the two most influential currents of Western legal science via their leading representatives. The discussion about the imperative nature of legal norms has resulted in the actualization of the problem of universal law and morality. We also find an original approach to solving this problem in national philosophical and legal thought.

Ключевые слова: Кельзен; Харт; Дворкин; право; норма; аналитическая юриспруденция; компрехендная теория.

Key words: Kelsen; Hart; Dvorkin; law; norm; analytical jurisprudence; comprehensive theory.

Научная дискуссия между Г. Хартом, крупнейшим представителем аналитической юриспруденции, и Р. Дворкиным, развивавшим теорию права в рамках феноменологической традиции, стала одной из ключевых точек в истории юридической науки второй половины XX века [13, с. 21-22; 22, с. 448].

Оксфордский профессор Герберт Харт (1907–1992) был тем ученым, «с которым зачастую отождествляется аналитическая юриспруденция» [16, с. 82; 19; 20; 29]. Именно он осуществил наиболее удачный синтез юридического позитивизма И. Бентама, Дж. Остина и Г. Кельзена на методологическом фундаменте аналитической философии, в основе которой лежали труды Г. Фреге и Б. Рассела [31, с. 98]. Отталкиваясь от фундаментального учения Г. Кельзена об основной норме и, в принципе, не оспаривая его, Г. Харт стремится, тем не менее, уйти от жесткого априоризма австрийского ученого, связанного с его неокантианскими установками. Согласно Г. Кельзену, социальный факт не может содержать в себе параметров правовой или социальной нормы, которые являются априорными и в конечном итоге задаются базовыми структурами разума. Напротив, Г. Харт, стремясь сохранить традиции английского эмпиризма, восходящие к Ф. Бэкону и Дж. Локку, пытается найти возможность соответствующей интерпретации социального факта с учетом перспективы основной нормы в духе Г. Кельзена [31, с. 98].

Если Г. Кельзен не осуществлял дифференциацию и глубокий анализ самих социальных фактов, то Г. Харт, напротив, стремился доказать, что некоторые социальные практики по своему содержанию и по своей природе вполне могут приобрести статус основания нормативно-правовой системы. Такие практики Г. Харт как раз и обозначал отдельным понятием

нормативного социального факта, указывая, что здесь речь не идет о каком-либо аналоге тех социальных фактов, которые имел в виду Г. Кельзен, рассматривая их как область фактов, определенных в свою очередь другими фактами социальной природы, а потому не заключающих в себе нормативной обязательности.

Возможность фиксации в правовой теории такого рода «сферы нормативных социальных фактов» Г. Харт определяет, вводя различие между первичными и вторичными этическими и правовыми правилами, а также между внешними и внутренними правилами оценки в социальной группе. Посредством этого представляется возможным создать понятийное поле для теоретического воспроизведения области нормативных социальных фактов посредством специального юридического языка [12, с. 45-56; 14, с. 43-71; 17, с. 7-10; 18, с. 178-193]. Основу этого дискурса составляет учение Г. Харта об императивной природе правовых норм.

Г. Харт обращается к исследованию императивной теории права, как она была представлена в юридическом позитивизме XIX века, прежде всего, Дж. Остином. В конечном итоге ранняя императивная теория права объясняла юридические правила в рамках теоретической модели, основанной на представлении об угрозе, исходящей из внешнего приказа. Г. Харт для ее иллюстрации приводит пример с грабителем банка, который достигает желаемого для него результата, апеллируя к пистолету. Этот пример, по мнению ученого, заключает в себе те существенные элементы, из которых императивная теория возводит свое учение о праве, правоотношении и, в конечном итоге, о норме права. На таком уровне императивная теория представляется Г. Харту «совершенно недостаточной в своей простоте... и правовой порядок не может быть непосредственно выведен из применения насилия» [29, с. 24]. Согласно его общему выводу, здесь требуется еще целый ряд смысловых модификаций.

Первую из них Г. Харт связывает с вопросом о форме, посредством которой можно отличить правовой императив от приказа налетчика. Случай, когда чиновник отдает гражданину непосредственный приказ, хотя и может иметь место, но в действительности это происходит сравнительно редко. Нормой, напротив, является тот случай, когда гражданин должен руководствоваться правовой нормой. Даже уголовный закон, который заключает в себе приказание, апеллирующее к угрозе насилия, отличается от приказа налетчика, прежде всего тем, что он является всеобщим.

Говоря о всеобщности правовой нормы, Г. Харт выделяет два ее смысла, которые он определяет, соответственно, как смысл абстрагирующий и генерализирующий. Норма не является передачей приказа от одного лица к другому: она сначала адресуется к всеобщему классу личностей, а затем маркирует собой всеобщий тип отношений. Таким образом, «модель налетчика на банк» должна быть модифицирована этой двойной всеобщностью, чтобы стать ближе к форме модели, объясняющей природу нормы.

Второй модификацией императива, согласно Г. Харту, является долговечность и устойчивость нормы и ее действия. В отличие от приказа налетчика, действие которого завершается вместе с ситуацией самого преступления, закон, понимаемый как предписание отношения, поддерживаемое угрозой санкции, действует до тех пор, пока не будет отменен. Его Г. Харт сравнивает с дамочным мечом, постоянно висящим над головой своего адресата.

Третьей модификацией императива Г. Харт называет повиновение, соразмерное привычке. Чтобы обосновать выделенные качества стабильности и континуальности правовой системы, следует также принять, что большинство нормативных императивов действуют в пространстве взаимного влияния личностей друг на друга. Г. Харт вслед за Дж. Остином обозначает этот феномен как чувствительность к «всеобщей привычке».

Четвертую модификацию императива, делающего его правовой нормой, Г. Харт связывает с идеей суверенитета. Компетенция утверждения правовой нормы требует, во-первых, территориального суверенитета, и, во-вторых, независимости от других правовых систем.

Только в случае модификации императива как некоторого социального факта по всем четырем указанным основаниям, этот императив может состояться в качестве правовой нормы. То есть может от простого социального факта возвыситься до нормативного социального факта. В свою очередь, «модифицированные» таким образом нормы Г. Харт предлагает разделять на уполномочивающие и обязывающие нормы. Нормы морали, в общем и целом, соответствуют правовым нормам, но это соответствие также не является прямолинейным и очевидным, а нуждается в своих, дополнительных, «модификациях».

В итоге оказывается, что нормы мы можем трактовать как абстрактные и генерализированные, устойчивые во времени, психологически, социально и политически обусловленные императивы. При этом их «субстанцией» все равно остается эмпирически фиксируемый «социальный факт», лишь подвергающийся нами определенной интерпретации. Однако апелляция, к такого рода интерпретации, которую мы находим в аналитической юриспруденции, может вызвать ответные претензии, прежде всего, в связи с возможной неубедительностью интерпретации, возможными подозрениями в ее произвольности и ангажированности.

Но, ведь, даже сама по себе возможность таких подозрений лишает императивную трактовку правовых норм качеств всеобщности. Правовые нормы должны быть без всяких оговорок признаны личностью и социальным сообществом как нечто значимое для них, диктуемое их внутренним содержанием или санкционированное со стороны того, что обладает для них высшей ценностью. В противном случае право окажется не выражением свободы, а скрытой формой произвола. Ссылки же на возможные «модификации» социального факта такого насилия, вряд ли, смогут что-либо здесь изменить. В итоге правовая мысль неизбежно должна снова вернуться к вечному для себя вопросу об абсолютной природе права, о его всеобщем начале.

Замаскированная нерешенность данного вопроса в аналитической юриспруденции в конечном итоге и стимулировала последующие дискуссии, среди которых наиболее заметной была дискуссия Г. Харта и Р. Дворкина.

Критика Г. Харта, а таким образом и всей аналитической традиции, велась Р. Дворкиным (1931 – 2013) с позиций теории естественного права, реформированной на основании феноменологической методологии в ее преимущественно (у позднего Р. Дворкина) герменевтическом варианте с устойчивым акцентом на вопросах отношения права и этики [23, с. 449; 1; 25; 26; 27; 28].

Общий недостаток юридического позитивизма (и аналитической юриспруденции как его варианта) состоит в том, что позитивисты теряют ценностные и моральные предпосылки правовых принципов. При этом совершенно недопустимо отделение права от морали, поскольку правовые принципы по их сути Р. Дворкин считает, прежде всего, некими моральными стандартами, которым невозможно дать какую-либо дефиницию, лишь основываясь на комплексе концептуальных положений господствующей правовой теории. Каждая правовая дискуссия, утверждает Р. Дворкин, неизбежно приведет к необходимости определения таких базовых принципов [30, с. 72].

Именно такое видение права актуализируется в «Hart-Dworkin-Debatte» [23, с. 448]. Сам Р. Дворкин указывает на то, что эти дебаты всего лишь сыграли роль одной из возможных площадок для более значительной по своим основаниям и задачам борьбы с позитивизмом в праве: «Я хотел бы предпринять всеобщее наступление на позитивизм и я буду использовать версию Г.Л.А. Харта как мишень, раз для этого требуется определенная мишень» [24, с. 181].

Для этого, следуя своей установке на выявление соответствия теории практике, Р. Дворкин, прежде всего, указывает на то, что общетеоретические посылки позитивизма в трактовке Г. Харта (при их изложении Г. Дворкин редуцирует их до базовых положений Дж. Остина) противоречат реальному опыту англо-американской юридической практики.

Ссылаясь на опыт судебной практики, Р. Дворкин выдвигает в качестве главного пункта своего расхождения с императивной концепцией правовых норм Г. Харта (и, шире, позитивизма в целом) невозможность обойтись при разрешении сложных дел в суде лишь позитивными нормами права (Р. Дворкин называет их «правилами»), без учета всеобщих принципов права [24, с. 28].

Правила и всеобщие принципы в праве, согласно Р. Дворкину, объединяет их общая телеологическая природа: и те, и другие базируются на отношении к цели. Эту цель Р. Дворкин в духе Г. Кельзена определяет как нечто «должное». Но в отношении к этой цели правила и принципы действуют по-разному. Применение правовых правил в случае их противоречия друг другу требует исключения одного из них из практики правоприменения в целом или же в данном конкретном случае. Напротив, всеобщие принципы в случае конкуренции друг с другом сохраняются сообществом, просто одни из них в процессе социально-правовой коммуникации, выходят на передний план, а другие, наоборот, временно отступают, полностью сохраняя при этом свою ценность и возможность быть востребованными обществом в обозримом будущем.

Р. Дворкин исходит из того, что юридический позитивизм либо полностью отрицает всеобщие принципы права, как не имеющие прямых эмпирических аналогов, либо оставляет их исключительно в ведении юридической метафизики. Таким образом, речь идет, прежде всего, об уточнении содержания правовых принципов и о введении этого содержания в теоретический дискурс, возникающий в интертекстуальном пространстве аналитической и феноменологической правовой литературы. Само понятие «принципа» было вполне устоявшимся в англо-саксонской юридической литературе понятием задолго до Р. Дворкина и понималось оно в качестве комплекса определяющих идей, стоящих «за спиной» правовых высказываний и текстов законодательных актов.

В числе важнейших и высших принципов Р. Дворкин называет право на свободу, на жизнь и на стремление к счастью. Эти принципы, по мнению швейцарского историка правовых учений М. Зенна, Р. Дворкин воспринял из общепринятого толкования американской конституции [31, с. 157]. Однако, еще более основополагающим принципом Р. Дворкин считает принцип равенства, из которого непосредственно следуют принципы, указанные выше [11, с. 8-11]. Идею принципа равенства Р. Дворкин, утверждает М. Зенн, заимствовал у Дж. Ролза [31, с. 157]. Все эти принципы могут конкурировать между собой, противоречить друг другу, «поскольку право является постоянно развивающейся системой. Право живет не логикой, а опытом» [30, с. 31]. В этом случае, разумеется, невозможно говорить о значимости общих принципов права для реальной юридической практики.

При этом Р. Дворкин подчеркивал, что сама по себе правовая коммуникация, ранжирующая правовые правила, не может обеспечить реализацию правовых принципов. Наряду с динамикой коммуникации в праве необходима и статика Основного закона, фиксирующего связь изменчивого и всеобщего в праве. В противном случае правовая жизнь обречена на деградацию: «Дворкин утверждает, что за последние десять лет жизнь людей в Великобритании становилась все менее и менее свободной как следствие усиленных мер по борьбе расширяющих полномочия охранительных органов, а также повсеместной политической цензуры. По мнению Дворкина, это приводит к повсеместному попранию самых базовых прав человека и свидетельствует о необходимости принятия писаной конституции Европейским союзом» [21, с. 25].

Поэтому вступая в полемику с позитивистами и апеллируя к идее правового принципа, Р. Дворкин должен был объяснить, как «право может изменяться, оставаясь при этом неизменным. И как возможно дать два противоположных ответа на один и тот же вопрос, будучи правым в каждом из случаев» [21, с. 21]. Таким образом, вопрос о соотношении, с одной стороны, изменчивости в праве (в том числе и в исторической перспективе), и его абсолютных, вечных принципов, с другой стороны, является одним из постоянных вопросов в теории пра-

ва. Именно в актуализации в современном теоретико-правовом дискурсе проблемы всеобщего в праве состоит, как нам представляется, основное значение феномена «Hart-Dworkin-Debate» в истории современной правовой мысли.

Положение Р. Дворкина о многообразии правовых правил и, главное, о равной ценности для общества, государства и личности общих правовых принципов, которые не отрицают и не уничтожают друг друга в случае взаимного противоречия, предполагает также допустимость и равную значимость различных теоретических платформ в понимании природы права. Такой подход в изложении Р. Дворкина неизменно приобретает и практическую значимость, поскольку право для него – это процесс дискурсивной коммуникации относительно правовых правил и принципов, которая становится возможной именно благодаря приданию представлениям о принципах дискурсивной формы. Поэтому не будет натяжкой сказать, что многообразие и определенная равнозначность различных правовых теорий является необходимым условием осуществления коммуникации, генерирующей право.

Созвучной выводам оксфордского профессора оказалась так называемая компрехендная теория права, которую предложили научной общественности ведущие петербургские ученые в области юриспруденции и философии права профессор В.П. Сальников и профессор С.И. Захарцев [2; 3; 9]. Хотя теоретические источники, на которые они опирались (это, прежде всего, – классическая философия права, труды советских и российских правоведов), не совпадают с концептуальными предпосылками ни аналитической юриспруденции, ни феноменологической модели права на Западе, их работы вызвали значительный интерес за рубежом среди сторонников именно этих направлений правовой мысли. Свидетельством тому стал перевод на английский язык и публикация в Кембридже фундаментального труда петербургских авторов, обобщающего результаты предыдущих исследований [32].

Компрехендная теория права В.П. Сальникова и С.И. Захарцева основана на понимании права как сложного социального явления, многоаспектного и противоречивого [5, с. 11-24]. Поэтому многосторонности феномена права должна соответствовать многоаспектность подхода к созданию научной модели права. Это многоаспектность выражается в том, что в процессе взаимодействия и противоборства различные правовые теории не «уничтожают», а диалектически дополняют друг друга, формируя интегративную модель права [7, с. 39-47]. Каждая из таких теорий объективно раскрывает определенную существенную грань феномена права. Вместе с тем речь, отнюдь, не идет о плюралистическом подходе. Напротив, авторы последовательно проводят установку на именно монистический подход в правовой теории [4, с. 196-209].

Диалектическое разрешение этого противоречия осуществляется через переход к еще более высокому уровню научного обобщения – к метафизике права (понятие, в последнее время активно используемое, как уже отмечалось, в аналитической юриспруденции). Общие теоретико-методологические основы такой метафизики права как философского основания компрехендной теории права был разработан указанными авторами совместно с профессором Д.В. Масленниковым в фундаментальной работе «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» [10].

В метафизике права ученые исходят из идеи внутреннего единства историко-философского процесса. Это единство, имманентно скрытое в историческом процессе развития философии, обнаруживает себя и актуализируется в свете логической формы философии, разработанной немецкими классиками [8, с. 178-186]. В таком качестве философия становится источником продуцирования основоположений метафизики права, раскрывающей природу последнего как формы различения добра и зла [15, с. 42-46]. В свою очередь, метафизика права форматирует компрехендную теорию права, дающую ключ к интеграции различных правовых учений и примыкающих к ним этических концепций [6, с. 39-57].

Данный подход, как нам представляется, перекликается с позицией Г. Фреге и всей последующей аналитической традицией в праве, основанной на идее самообоснования логики, когда формы логики выражают природу объективных, вневременных мыслей, а не человеческого мышления, схватываемого в законах обычной грамматики. Но при этом авторы «Логоса права...» уходят от своеобразного платонизма аналитической юриспруденции, поскольку, опираясь на немецких классиков, само логическое они понимают не только как субстанциальную идею, но и как субъект.

Таким образом, мы можем видеть в работах современных российских авторов оригинальный подход к решению теоретически значимых проблем правового мышления, актуализированных в западной юриспруденции, в том числе и в трудах крупнейших представителей аналитической и феноменологической традиции в праве. При этом речь идет не о заимствовании идей современных западных авторов и даже не о сколько-нибудь заметном их влиянии на российских ученых, а о действительной разработке ими правовой науки на теоретико-методологической «платформе» независимой, «суверенной», философии права.

Библиографические ссылки

11. Дворкин Р. О правах всерьез. М. : РОССПЭН, 2004.
12. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2015.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Проблема монизма-плюрализма в философии // Мир политики и социологии. 2015. № 10. С. 196-209.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39-58.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 39-47.
18. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178-187.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
20. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
21. Игнаткин О.Б. «Равенство в свободе»: принципы политической философии Рональда Дворкина. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2008.
22. Касаткин С.Н. Проблемы спецификации юридического языка в учении Герберта Харта 1949 года // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 46-56.
23. Касаткин С.Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Г. Харта и Р. Дворкина: очерк основных позиций // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 4 (35). С. 21-27.
24. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 43-71.

25. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42-47.
26. Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2009. № 4 (8). С. 81-88.
27. Оглезнев В.В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 7-10.
28. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 178-193.
29. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2007.
30. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М. : Канон+, 2017.
31. Чурносов И.М. Правовая концепция Рональда Дворкина : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
32. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte: Forum, 2013.
33. Barbosa L.F. Influence of Ethics in the Concept of Law: Actual Stage of the «Hart-Dworkin Debate» // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte: Forum, 2013. P. 448-449.
34. Braun J. Rechtsphilosophie im 20. Jahrhundert. Die Rückkehr der Gerechtigkeit. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
35. Dworkin R. Is Democracy Possible Here? Principles For a New Political Debate. Princeton: Oxford, 2006.
36. Dworkin R. Justice for hedgehogs. London: Belknap Press, 2011.
37. Dworkin R. Law's Empire. London: Fontana, 1986.
38. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. -Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.
39. Hart H. Recht und Moral. Göttingen, 1971.
40. Heinold A. Die Prinzipientheorie bei Ronald Dworkin und Robert Alexy. Berlin: Duncker&Humbolt, 2011.
41. Senn M. Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesisch Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich: Dike Verlag, 2012.
42. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

References

1. Dworkin R. O pravakh vser'yez (On rights in earnest). Moscow, ROSSPEN, 2004.
2. Zakhartsev S.I. Nekotoryye problemy teorii i filosofii prava (Some problems of theory and philosophy of law), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. Moscow, Norma, 2014.
3. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka (The philosophy of law. Jurisprudence). Moscow, Yurlitinform, 2015.
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Problema monizma-plyuralizma v filosofii (The problem of monism-pluralism in philosophy). *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 10, pp. 196-209.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava (Comprehensive epistemology of law). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 11-26.
6. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Ob obosnovanii komprekhendnogo podkhoda dlya poznaniya prava (On the justification of the compromised approach for epistemology of law). *Teoriya gosudarstva i prava*, 2016, No. 2, pp. 39-58.

7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Ob integrativnom pravoponimanii v kontekste kompre-khendnoy teorii prava (On integrative legal understanding in the context of comprehensive theory of law). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 2, pp. 39-47.
8. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. K voprosu o znachenii logicheskoy formy filosofii dlya ponimaniya prirody absolyutnogo v prave (To the question of the significance of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law). *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, No. 2, pp. 178-187.
9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya i yuridicheskaya nauka (Philosophy and legal science), monografiya*. Moscow, Yurlitinform, 2019.
10. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. To the question of speculative-logical foundations of metaphysics of law). Moscow, Yurlitinform, 2019.
11. Ignatkin O.B. «Ravenstvo v svobode»: printsipy politicheskoy filosofii Ronal'da Dvorkina ("Equality in freedom": the principles of Ronald Dworkin's political philosophy). Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2008.
12. Kasatkin S.N. Problemy spetsifikatsii yuridicheskogo yazyka v uchenii Gerberta Kharta 1949 goda (Problems of specification of the legal language in the teaching of Herbert Hart of 1949). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017, No. 37, pp. 46-56.
13. Kasatkin S.N. Problema sudeyskogo usmotreniya v polemike G. Kharta i R. Dvorkina: ocherk osnovnykh pozitsiy (The problem of judicial discretion in the controversy of H. Hart and R. Dworkin: an outline of the main positions). *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki*, 2018, No. 4 (35), pp. 21-27.
14. Kasatkin S.N. Ob'yasneniye pravovykh ponyatiy v analiticheskoy yurisprudentsii G. Kharta: metodologiya i problematizatsiya (Explanation of legal concepts in H. Hart's analytical jurisprudence: methodology and problematization). *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2018, T. 13, No. 1, pp. 43-71.
15. Maslennikov D.V. Pravo kak forma razlicheniya dobra i zla (Law as a form of distinguishing between good and evil). *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 6, pp. 42-47.
16. Ogleznev V.V. Istoki sovremennoy analiticheskoy filosofii prava (The origins of modern analytical philosophy of law). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2009, No. 4 (8), pp. 81-88.
17. Ogleznev V.V. Yuridicheskyy yazyk i analiticheskaya filosofiya prava (Legal language and analytical philosophy of law). *Filosofiya prava*, 2014, No. 3 (64), pp. 7-10.
18. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Analiticheskaya filosofiya prava: yuridicheskyy yazyk kak predmet issledovaniya (Analytical philosophy of law: legal language as a subject of research). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2015, No. 5 (322), pp. 178-193.
19. Khart G.L.A. *Ponyatiye prava (The concept of law)*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2007.
20. Khart G.L.A. *Filosofiya i yazyk prava (Philosophy and language of law)*. Moscow, Kanon+, 2017.
21. Churnosov I.M. *Pravovaya kontseptsiya Ronal'da Dvorkina (The legal concept of Ronald Dworkin)*, dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2014.
22. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart. *XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte*, Forum, 2013.
23. Barbosa L.F. Influence of Ethics in the Concept of Law: Actual Stage of the «Hart-Dworkin Debate». *XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte*, Forum, 2013, pp. 448-449.

24. Braun J. Rechtsphilosophie im 20. Jahrhundert. Die Rückkehr der Gerechtigkeit. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
25. Dworkin R. Is Democracy Possible Here? Principles For a New Political Debate. Princeton, Oxford, 2006.
26. Dworkin R. Justice for hedgehogs. London, Belknap Press, 2011.
27. Dworkin R. Law's Empire. London, Fontana, 1986.
28. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2000.
29. Hart H. Recht und Moral. Göttingen, 1971.
30. Heinold A. Die Prinzipientheorie bei Ronald Dworkin und Robert Alexy. Berlin, Duncker&Humboldt, 2011.
31. Senn M. Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesisch Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich, Dike Verlag, 2012.
32. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Дата поступления: 12.08.2019

Received: 12.08.2019

УДК 340.1+34(091)

ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ШАБУРОВ Анатолий Степанович

*доктор юридических наук, профессор кафедры
теории государства и права УРГЮУ,
г. Екатеринбург, Россия.*

E-mail: shaburov.41@mail.ru

LAW-MAKING AS A FORM OF LEGAL ACTIVITY

SHABUROV Anatoly Stepanovich

*Doctor of Law, Professor of the Department of
Theory of State and Law of the Ural State Law
University, Yekaterinburg, Russia.*

E-mail: shaburov.41@mail.ru

Понятие «правотворчество» не является новым для юридической науки. Тем не менее, многие вопросы, связанные с правотворчеством, до сегодняшнего дня остаются спорными. В современной правовой науке используются такими понятиями, как «правотворчество», «законотворчество», «нормотворчество» и т.д., которые при поверхностной трактовке кажутся однопорядковыми. В то же время при углубленном рассмотрении их содержание все же различно. Однако в них отражается содержание деятельности, связанной с формированием правовых норм. Все это обуславливает необходимость разработки единого подхода к пониманию правотворчества как основной формы юридической деятельности.

The concept “law-making” is not new to legal science. Nevertheless, many issues related to law-making remain controversial to this day. In modern legal science, we use such concepts as “law-making”, “legislative drafting”, “rulemaking”, etc., which, when superficially interpreted, seem to be the same. Withal, under deep examination, their content is still different. However, they reflect the content of activities related to the formation of legal norms. All this necessitates the development of a unified approach to understanding law-making as the main form of legal activity.